

Д
В.31

- 11 -

11

НИКОЛАЙ ВЕРЕЩАГИН

ЗОЛОТОЙ КОЛОСОК

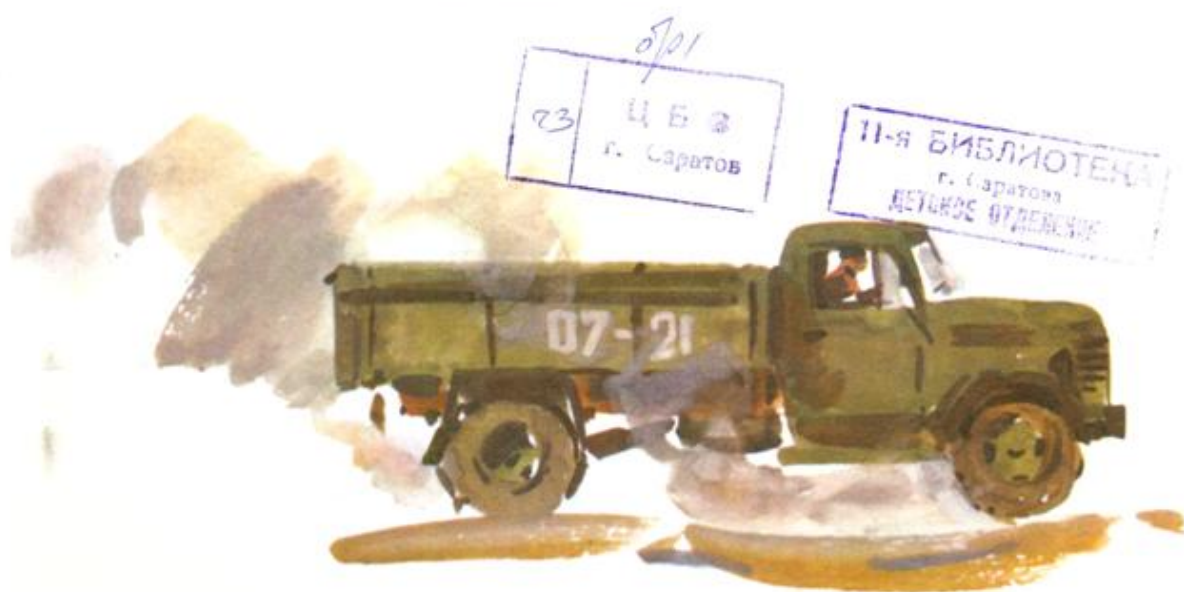

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МАЛЫШ»
1984

НИКОЛАЙ ВЕРЕЩАГИН

ЗОЛОТОЙ КОЛОСОК

Рисунки
В. МАРКИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ» МОСКВА
1984

То, что отец у Кольки шофёр, здорово поднимало его во мнении соседских ребяташек. Когда с дороги сворачивал старенький зелёный грузовик с номером «07-21» на бортах, когда, обогнув дом, он въезжал во двор и, в последний раз взревев мотором, останавливался против их окна, Колька бросал игру и со всех ног мчался к машине. Отец, весь пропахший бензином, в фуражке, сбитой на затылок, глушил мотор, выключал зажигание и, улыбаясь Кольке, выходил из кабины. Колька тут же влезал на его место и начинал вертеть руль и подпрыгивать на сиденье, воображая, как он мчится по дороге быстрее ветра. Когда он сидел в кабине за рулём, сжимая обеими руками баранку, ещё не остывшую от рук отца, он чувствовал себя сильным и уверенным, будто часть отцовской силы передавалась ему. Ребятишки, бросив игру, облепляли машину, лезли в кузов, взбирались на капот, пробовали двигать щётки на ветровом стекле, а Колька покрикивал на них, чтобы ничего не трогали. Его слушались,

потому что вместе с отцом он был хозяином машины. Посидеть в кабине Колька пускал не всех, а только своих друзей да ещё больших ребят, которые задабривали его обещаниями взять в свою игру.

Однажды, в конце августа, отец, работавший на уборочной и по нескольку дней не показывавшийся домой, приехал к обеду усталый, обросший, с тёмным, будто закопчёным лицом, но весь какой-то взбудораженный, разгорячённый. Он умылся над тазом, сел за стол, и оказалось, что лицо у него совсем не тёмное, а красное от загара, будто обожжённое.

Уплетая суп с галушками, отец возбуждённо рассказывал, как там, на уборочной: урожай хороший, но не хватает техники, не успевают убирать и возить; работа идёт ударная, убирают и по ночам, эту ночь он совсем не спал.

Колька вертелся за столом: ему и с отцом посидеть хотелось, и тянуло к машине во двор — её облепили мальчишки и надо было побыстрее залезть в кабину, а то ещё открутят что-нибудь или сломают. Проглотив несколько ложек, он сорвался было из-за стола, но мать вернула и заставила съесть всё, что положено. Тут и отец кончил есть, торопливо допил чай и поднялся.

— Мне надо в Неретино возвращаться, — сказал он Кольке. — Без меня там комбайны встали — хлеб возить некому.

В Неретино жила бабушка, и Колька запросился к ней.

— Я с тобой хочу. К бабушке хочу, — заканючил он, боясь, что отец не возьмёт.

— Ну что ж, поедем, — вдруг легко согласился отец. — Только вот у матери отпросимся.

Мать, хоть и не сразу, Кольку отпустила, велев на следующий день вернуться с отцом.

Поездка в деревню казалась Кольке большим и увлекательным путешествием, неожиданным и обещающим интересное. На городские улицы, по которым они ехали, он смотрел уже так, будто уезжал далеко и надолго. А когда улицы расступились, машина выскочила на степной простор и в открытое окно кабины ударил тугой полынный степной ветер, Кольке сделалось так весело, что он почти до пояса высунулся в окно и закричал: «Эге-ге-ей!..» Отец тоже развеселился, ни следа усталости не было на лице. Он включил четвёртую скорость, прибавил газу, и грузовик помчался, подпрыгивая на ухабах.

— Подпевай! — сказал отец и затянул первый, а Колька вместе с ним:

Эх, путь-дорожка фронтовая.
Не страшна нам бомбёжка любая.
Помирать нам рановато —
Есть у нас ещё дома дела.

...На полном ходу они проскочили деревню с бревенчатыми избами, резными наличниками, разнообразными плетнями и воротами, стаями кур, удирающих прочь от машины; перемахнули по деревянному мосту за околицей через речку, пересекли зелёную луговину с белыми косяками гусей, выскочили на горку и увидели впереди огромное, уходящее за горизонт пшеничное поле. Наполовину остриженное, с неровными копёшками сброшенной соломы на стерне, а наполовину ещё не сжатое, с густыми пере-

путанными колосьями, сбитыми в сплошной необъятный массив, по которому гулял ветер, то ласково приминая зрелую ниву, то опять отпуская её. На границе стерни и ещё не тронутого массива, почти игрушечные издали, стояли два комбайна и зелёный грузовик. Отец сбавил скорость, круто повернул налево, и машина, переваливаясь, как лодка на волне, двинулась по стерне к тем комбайнам.

Шестеро мужчин сидели на охапках соломы вокруг разостланного брезента и обедали. Загорелые лица их, спины, плечи были густо припудрены пылью, так что в первый момент они все казались одинаковыми.

— Семён! — удивлённо сказал один из них, широкоплечий рыжеволосый дядька, у которого на лице даже сквозь слой пыли проступали коричневые веснушки. — Ты что же, решил до конца жатвы из кабины не вылезать?

Отец, не отвечая, взял большую глиняную кринку с брезента, напился жадными глотками.

— А это у тебя помощник, что ли? — кивнул рыжий на Кольку, который стеснительно стоял в стороне. — Ну, иди сюда, парень. Знакомиться будем.

Колька подошёл и сел рядом с отцом. Рыжий дядька налил ему в стакан кисловатого кваса, протянул большой ломоть хлеба, кусок колбасы. Несмотря на то, что недавно пообедал, Колька ел с удовольствием. То ли растрясло его по дороге, то ли вид этих аппетитно жующих людей на него так подействовал, но, вонзая зубы поочерёдно то в свежий хлеб, то в колбасу, он чувствовал настоящий голод. Комбайны стояли в отдалении, и Колька всё время оглядывался на них: очень хотелось посмотреть на эти громоздкие загадочные машины вблизи.

Пообедав, мужики поднялись и пошли к комбай-

нам. Запылил вдали, быстро приблизился, свернул на поле, переваливаясь и гремя цепями, самосвал. Встал под изогнутый хобот комбайна. Комбайн зарычал, затрясся, что-то в нём с грохотом раскрутилось, и вдруг из хобота в кузов самосвала дождём ударила тугая струя зерна. Отец сел за руль, Колька быстро забрался в кабину с другой стороны, и они подъехали кузовом под хобот второго комбайна. И этот зарычал, загремел, только ещё громче, даже страшно стало. С шумом хлынуло в кузов зерно. Отец стоял на подножке, заглядывая в кузов, а Колька прильнул к заднему стеклу кабины и смотрел, как в кузов сыпался, разлетаясь по его дощатому дну скачущими зёрнышками, стремительный водопад зерна.

Зерно быстро прикрыло дно кузова, и теперь стре-

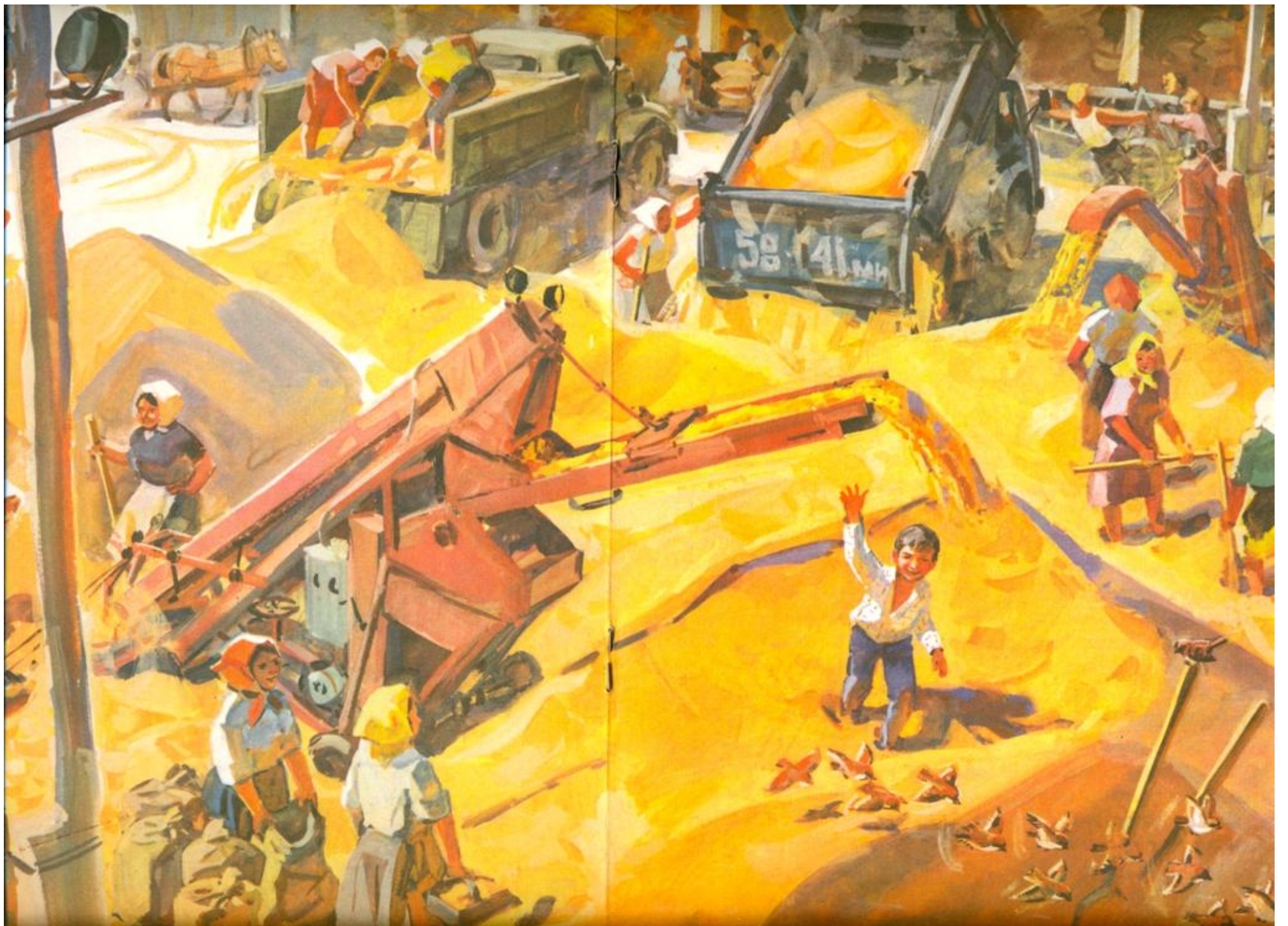

мительная осыпь секла не голые доски, а мягкую волну зерна, и шум был не сухой и колючий, а мягкий, шуршащий. Кольке очень нравилось глядеть, как зерно на глазах заполняет кузов, понемногу поднимаясь к его краям волнистыми изгибами. По тому, как отец смотрел, оглядываясь на кузов, Колька видел, что и ему это очень нравится.

Когда кузов до краёв наполнился зерном, отец осторожно на малой скорости поехал по стерне, и Колька понял: это для того, чтобы меньше трясло и зерно не рассыпалось по дороге. Им овладела та же забота, и он поминутно вертелся на сиденье, после каждой кочки оглядываясь, не сыплется ли зерно из кузова.

Дорога быстро раскрутилась в обратную сторо-

ну: вдоль поля путь прямой как стрела, пологий склон, зелёный луг с гусиными косяками, тот же бревенчатый мост над речкой, дома, колодцы, огороды — и они въехали на колхозный ток.

По двум сторонам тока, огороженного забором, тянулись длинные навесы, под которыми громоздились горы зерна, лежали тугие мешки в штабелях; рядом, взметнувшись, как жирафы, или вытянувшись, как змеи, стояли транспортёры.

Во всех концах тока работали люди. Одни широкими деревянными лопатами споро разгружали машины, другие перелопачивали зерно под навесом, третьи, ухватившись с двух сторон, как будто длинную пушку, перекачивали на новое место транспортёр. Здесь стоял тот же сосредоточенный рабочий гул и стрекот моторов, что и в поле возле комбайнов.

Они с отцом разгрузились и помчались в поле, а от комбайнов — с полным кузовом обратно на ток и потом снова в поле. И завертелась карусель. Первые ездки Колька ещё считал, а потом и со счёта сбился. Стремительно, с клубящимся пыльным хвостом, мчались навстречу грузовики и самосвалы, мелькали в кабинах уже знакомые лица шофёров. И они с отцом мчались от тока к стригущим жёлтую ниву комбайнам, которые то едва виднелись с дороги, двигаясь у дальнего края поля, то с тугим напряжённым стрекотом, захватывая своими крутящимися жатками сразу целые полосы пшеницы, шли, как огромные железные чудовища, навстречу.

Сделав две или три ездки, отец хотел завезти Кольку к бабушке, но тот заупрямился. Какое-то странное возбуждениехватило и уже не отпускало

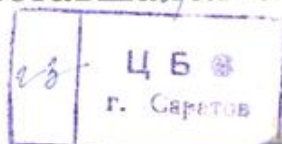
Кольку. Эта быстрая шумная работа на уборочной увлекла его. И то, что он тоже участвовал в ней, наполняло Колькино сердце гордостью. Ему хотелось, чтобы всё это продолжалось долго — ему нисколько не надоело ещё. Ему казалось, что он тоже вместе с отцом водит машину, что его усилия тоже необходимы здесь. Заметив на дороге колдобину, он напрягался всем существом, мысленно подсказывая отцу, что надо притормозить, и отец понимал его — машина мягко замедляла ход, без тряски преодолевала препятствие, и снова, прибавив газу, отец гнал её вперёд. Сначала при загрузке отец то и дело вставал на подножку, наблюдая, равномерно ли засыпается зерно в кузов, но потом он сидел не вставая (всё-таки очень устал), а Колька смотрел неотрывно в

заднее окно кабины и командовал ему, двинуть машину вперёд или назад.

В кабине было жарко, и Колька поминутно отирал рукавом пот со лба, облизывал солёные губы. Рукав быстро потемнел от пота, но, заметив это, Колька не огорчился, а наоборот, ещё больше ощутил свою причастность к работе. Он стал утираться другим рукавом, чтобы и тот рукав пропитался солёным потом.

Карусель уборочной, раскрутившись, продолжала вращаться безостановочно, не убыстряясь больше и не замедляясь. Комбайны работали непрерывно, с каждым заходом скашивая по широкой полосе хлеба. И то самое поле, которое было убрано наполовину, когда они приехали, теперь обнажилось больше чем на две трети, и оставшаяся его часть уже свободно

охватывалась взглядом, отчётливо просматривалась из конца в конец. На току хлеба прибывало, там работали уже все транспортёры, все веялки, оглашая ток гулом и скрежетом.

Пока машина разгружалась, Колька облазил весь ток. Он стоял у транспортёров, с интересом наблюдая за крутящимися роликами, за стремительно убегающей лентой, лазил под навесами по ворохам зерна, которые игрушечным горным хребтом расстилались перед ним: здесь были свои пики, горные вершины, долины, между ними — крутые откосы и плоскогорья. Он проваливался по щиколотку, падал на колени, по локти погружая руки в зерно, поднимал его большими горстями, и оно лилось с ладоней, протекало сквозь пальцы. Ему нравилось снова и снова набирать полные горсти зерна и видеть, как оно течёт, осыпаясь, чувствовать, как нежно щекочет пальцы.

Всё это было ново, интересно для него, и когда отец спрашивал, не устал ли он, Колька отрицательно мотал головой и снова лез в кабину, чтобы ехать в поле.

Вечером по дороге с поля заехали ненадолго к бабушке. Она захлопотала у печки, собралась ставить самовар, но отец сказал, что некогда, и попросил только холодненького молочка. Они вдвоём выпили целую кринку этого вкусного деревенского молока. Отец хотел оставить Кольку у бабушки, но тот стал упрашивать покататься ещё, захныкал, и отец уступил. Колька опять уселся рядом с отцом в пропахшей бензином кабине, и они снова помчались в поле.

В этой гонке незаметно стемнело. Отец включил фары. Когда въехали на пригорок над речкой, Колька ещё издали увидел ток, залитый электрическим светом. Тьма поглотила всё, лишь горстью огоньков

угадывалась в стороне деревня, а ток, освещённый гирляндами мощных ламп, будто горел в ночи ясным и ровным прозрачным пламенем. При электрическом свете на току стало как будто теснее и праздничнее, а работа кипела ещё жарче. Машины, транспортёры, веялки, работающие здесь и там люди,— все отбрасывали тени. Тени двигались, перемещались, и оттого казалось, что работающих больше, что тени тоже помогают, не отставая от людей, машут длинными лопатами. Казалось, никто не спит в эту ночь, казалось, вся деревня здесь, на току, и Кольке весело было вместе со всеми. Он то сновал под навесом, то хватался за лопату помогать в разгрузке, то вновь забирался в кабину, чтобы ехать с отцом в поле к комбайнам.

Там, в поле, в ночи, комбайны продолжали своё дело с включёнными фарами. Издали они походили на ползущих под звёздами светлячков, а вблизи, пышущие светом фар, грохочущие, шли, как танки. Стремительно взмахивая мотовилами, они захватывали колосья на освещённой полосе, а уходящие вперёд дымные столбы света выхватывали из тьмы всё новые и новые полчища колосьев, бледных, будто напуганных ярким светом фар и в страхе прячущихся друг за дружку.

Когда совсем стемнело и звёзды высыпали на небе, отец хотел заехать к бабушке, чтобы там уложить Кольку спать, но Кольке ни капли не хотелось спать, и он стал проситься поехать с отцом ещё. Даже мысль о сне была ему противна. Ему казалось, что никто в эту ночь не спит — все на току или в поле. И Кольке было обидно, что без него всё это будет продолжаться, а он будет дрыхнуть, как будто выспаться нельзя в другое время. Ездить же с отцом было так необычно и интересно, так много было всяких

новых впечатлений, что ему нисколько ещё не надоело, он не устал и спать не хотел. Он опять уговорил отца, и они продолжали возить зерно вместе.

Под утро всё же усталость одолела, и сон сморил Кольку. Он силился не спать, сидеть прямо, но голова всё равно валилась набок, глаза слипались, натруженный гул мотора убаюкивал. Он закрывал глаза, и перед ним качались тугие колосья, летел по дуге золотистый поток зерна...

Горы зерна росли, волнисто изгибаясь, двигались куда-то. Хотелось упасть в них, зарыться в их податливую мягкую россыпь и, вытянувшись, раскинув вольно руки и ноги, сладко заснуть. Отец остановил машину, достал из-под сиденья свою шофёрскую телогрейку. Колька свернулся на сиденье калачиком и крепко заснул под отцовской телогрейкой.

Проснулся он от тишины, оттого, что кончился вой мотора и грохот, который его убаюкивал. Колька выглянул из-под телогрейки: комбайн своей красной железной громадой заслонял видимость справа; близко был его клёпаный, с облупившейся краской и потёками масла бок, но ни одно колесо не крутилось, ни одна цепь не двигалась, ни единого звука он не издавал. Было совсем светло вокруг, и край неба впереди розовел сквозь голубое.

Мальчик открыл дверцу и огляделся. Машина стояла на краю поля, оба комбайна рядом, замершие. А само это поле было уже не такое, как вчера, — оно было голым, остриженным, убраным до последнего колоска. На всём его пространстве было пусто, лишь неровные копны соломы там и сям валялись по нему — всё, что осталось от мощно колосившейся здесь золотой нивы. Было хорошо, но и грустно почему-то смотреть на убранное поле: жаль было чего-то и вместе с тем легко на душе.

Колька спрыгнул с подножки и, обойдя машину и комбайн, увидел на самом краю поля комбайнёров и отца. Они стояли неподвижно и смотрели на убранное поле.

— А-а, главный помощник проснулся,— сказал, увидев Кольку, рыжеволосый комбайнёр и улыбнулся устало, по-доброму.

Колька подошёл к отцу, тот посмотрел на него воспалёнными глазами и погладил по голове жёсткой от мозолей рукой. Все по-прежнему стояли молча, меряя глазами ширь этого огромного поля, которое они убрали, будто сами теперь удивляясь тому, что сделали. И Кольку тоже всё время тянуло оглядываться и поражаться, радостно удивляясь сделанному.

Золотое осеннее солнце вставало над полем.

Для дошкольного возраста

Николай Александрович Верещагин
ЗОЛОТОЙ КОЛОСОК
Художник **В. Марки**

Редактор Н. Сеидерова. Художественный редактор О. Ведерников.
Технический редактор Е. Соколова. Корректор Н. Пьяникова.

ИБ № 1600

Сдано в набор 14.06.83. Подписано в печать 18.01.84. 60×84¹/₄. Бум. офс. № 1. Гарнитура школьн. Печать офсет. Усл. печ. л. 2,8. Усл. кр.-отт. 13,2. Уч.-изд. л. 2,64. Тираж 150 000 экз. Изд. № 1342. Заказ № 2288. Цена 25 коп.

Издательство «Малыш». 101463, Москва, Бутырский вал, 68.

Калининский ордена Трудового Красного Знамени полнграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата РСФСР. Калинин, 170040, проспект 50-летия Октября, 46.

© Издательство «Малыш» 1984

4803010102—082
В М102(03)—84—82—84